

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-202-212
УДК 94(47).093.2

Применение террора советскими работниками в борьбе с бандитизмом в Осинском уезде Пермской губернии в годы Гражданской войны

Ангела Валерьевна ДОЛГОВА

ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»
141406, Российская Федерация, Московская обл. г. Химки, ул. Библиотечная, 7
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7859-3596>, e-mail: angela_dol@mail.ru

The practice of terror by Soviet workers in the fight against banditry in the Osinsky District of the Perm Governorate during the Civil War

Angela V. DOLGOVA

Moscow State Institute of Culture
7 Bibliotechnaya St., Khimki 141406, Moscow Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7859-3596>, e-mail: angela_dol@mail.ru

Аннотация. В годы Гражданской войны советским работникам пришлось вести борьбу с дезертирством и бандитизмом. Поскольку большую часть населения страны составляло крестьянство, то возникло противостояние с советской властью той его части, которая не могла ее принять. Чаще всего крестьяне попадали под такие большевистские пропагандистские ярлыки, как «белые банды» или «банды дезертиров», распространившиеся благодаря усилиям партийно-советской пропагандистской машины. Согласно архивным документам, местные советские работники применяли террор не только с целью подавить сопротивление, но и как вынужденную меру, вызванную реальной военно-политической обстановкой в Пермской губернии. Борьба за утверждение власти советов велась с бандитизмом, а не с дезертирством, и носила ожесточенный характер. Следовательно, распространенный тезис в истории Гражданской войны в Пермской губернии о массовом дезертирстве не более чем предположение. Линия Восточного фронта проходила рядом с Осинским уездом, поэтому самая ожесточенная борьба развернулась именно здесь, что, в свою очередь, оказало влияние на военно-политическую обстановку в губернии в целом.

Ключевые слова: Пермская губерния; бандитизм; крестьяне; Гражданская война; архив; дезертирство; комдезертиры

Для цитирования: Долгова А.В. Применение террора советскими работниками в борьбе с бандитизмом в Осинском уезде Пермской губернии в годы Гражданской войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 189. С. 202-212. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-202-212

Abstract. During the Civil War, Soviet workers had to fight against desertion and banditry. Since the majority of the country's population was the peasantry, a confrontation arose with the Soviet government of that part of it that could not accept it. More often than not, peasants fell under such Bolshevik propaganda labels as "white gangs" or "gangs of deserters", which had spread through the efforts of the party-Soviet propaganda machine. According to archival documents, local Soviet workers used terror not only to suppress resistance, but also as a forced measure caused by the real military-political situation in the Perm Governorate. The fight for the establishment of the power of the Soviets was fought against banditry, not desertion, and was fierce. Consequently, the widespread thesis in the history of the Civil War in the Perm Governorate about mass desertion is nothing more than an assumption. The line of the Eastern Front passed next to the Osinsky District, so

the most fierce fight unfolded here, which in turn had an impact on the military-political situation in the governorate as a whole.

Keywords: Perm Governorate; banditry; peasants; Civil War; archive; desertion; commission on desertion

For citation: Dolgova A.V. Primeneniye terrora sovetskimi rabotnikami v bor'be s banditizmom v Osinskom uyezde Permskoy gubernii v gody Grazhdanskoy voyny [The practice of terror by Soviet workers in the fight against banditry in the Osinsky District of the Perm Governorate during the Civil War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 189, pp. 202-212. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-202-212 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Борьба с дезертирством и бандитизмом в Пермской губернии, как и по всей стране, обострилась после выхода постановления ВЦИК от 8 апреля 1920 г. о комиссиях по борьбе с дезертирством (комдезертиры), в котором было четко прописано, кого следует относить к дезертирам и какие меры принимать. В отношении пособников, подстрекателей и укрывателей, в том числе и советских должностных лиц, виновных в непринятии мер по устранению дезертирства, соответствующие меры, как и прежде, должны были применяться уездными комиссиями¹.

Какие конкретно меры следовало применять – в постановлении не указывалось. Предполагалось обращение за помощью к вышестоящим советским учреждениям, но дальность расстояния, разбитые дороги и отсутствие телеграфа исключали эту возможность. Советские работники, вследствие нехватки оружия, не только не могли вести борьбу, но и самим своим нахождением на местах подвергали жизнь риску.

В Пермской губернии борьбой с бандитизмом стали официально заниматься с лета 1919 г. комиссии по борьбе с дезертирством и военные комиссариаты на уровне губернии, уездов и волостей, при опоре на создаваемые там же отряды и опертройки.

Работники комиссий отказались от применения относительно гуманных мер – конфискации имущества, пропаганды, недель добровольной явки и перешли к наиболее радикальным – взятию в заложники, запугиванию и террору в отношении крестьян. Этому способствовала и неблагоприятная обстановка на местах – попытки бандитов свергнуть советы, настроить против них крестьянство.

Если обратиться к истории террора в годы Гражданской войны, то, по большей части, мы будем иметь дело с фактами. Знание этих фактов о терроре само по себе не раскрывает всей его сути.

Кроме того, не представляется легким разграничение понятий «дезертир» и «бандит». Означало ли это, по сути, одно и то же? В исторической науке немало описаний «политического бандитизма»... Но ведь эти описания и само явление разнесены во времени. А как было на самом деле?

Многое становится ясным из документов местных архивов, которые в годы советской власти каким-то чудом не подверглись идеологической обработке и дошли до наших дней в виде рукописей. Интерес для нас представляют именно они, а не приговоры ревтрибунала. Приговор ревтрибунала не может пролить свет на мотивы преступлений, передать психологический настрой участников.

В Государственном архиве Пермского края нами было обнаружено дело № 681, которое представляет собой материалы следственной комиссии о деятельности оперативных троек Осинской уездной комиссии по борьбе с дезертирством. Это два больших тома свыше 1000 страниц. И, как говорится в самом начале дела, «рисует полностью безотрадную картину преступлений разного рода должностных лиц, как опертроек, так и других занимающих ответственные должности в Осинском уезде»².

Рукописи представляют собой оригиналы протоколов допросов всех, кто имел хоть какое-то отношение к происходящему – членов опертройки, свидетелей, пострадавших. В одном из допросов прямо указывается на

¹ Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Политиздат, 1976. Т. 8. Апрель–май, 1920 г. 444 с.

² ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 380. Л. 1.

то, что «бандитизм» и «дезертирство» – совершенно разные явления.

Убийства советских работников в то время не были редкостью и совершались с особой жестокостью. Так, в деревне Верхняя Ярина Филатовской области Пермского уезда в январе 1920 г. были убиты председатель с женой.

Согласно опросам свидетелей, накануне убийства было собрание, на котором произошла ссора, во время которой Ф.Я. Коневский угрожал семье Орловых. Следствие, произведенное начальником милиции 5-го района Н. Казаковым, показало следующее: «Головной череп срублен. Мозги наружу, видимо... нанесенный топором. И вторая рана слева в шею. Ниже уха вышла пуля навывлет правой щеки. Тоже ниже уха и третья рана. Справа плечевая кость верхней части, видимо, разрублена как будто бы топором. Ото всех вышеуказанных ран Орлов Денис получил моментальную смерть. А у Орловой Ефросиньи нанесена рана на голове чашки черепа, снесена, как видимо, тоже топором. И на лбу нанесены две раны. Оттого же снесенного черепа, от вышеуказанных нанесенных Орловой ран и получила Ефросинья моментальную смерть»³.

Местные работники жаловались: «Своих средств в борьбе с дезертирством не хватает, и вся надежда на недопущение развития дезертирства в Оханском и Усольском уездах, на быструю деятельность троек и ВОХР»⁴.

Советские работники самоотверженно боролись с дезертирством и бандитизмом, что не могло не вызвать озлобления со стороны их врагов. В результате гибли лучшие кадры. Так, начальник местного отряда Липин в неравной схватке был тяжело ранен и позднее скончался. 30 июля 1920 г. в д. Гарюшки был замучен председатель Осинского уездного исполкома вышеупомянутый Юрков.

Липин и Юрков отличались сильным характером, твердой волей, высокой работоспособностью, обладали авторитетом среди местных властей.

Убийство Юркова вызвало сильный резонанс среди местных партийных и советских работников. По сути, убийство произошло у них под носом, а они ничего не

смогли предпринять. Тем не менее это в корне изменило организацию борьбы с дезертирством и бандитизмом в уезде. О случившемся тотчас же в Пермский губком была направлена телеграмма за № 7843.

Вскоре осинский уком получил ответную телеграмму: «Выражаем глубокую скорбь о погибшем товарище Юркове. Губком, губисполком, выражая твердую уверенность, что банды, вырывающиеся из наших отрядов лучших товарищей, будут стерты с лица земли. Карайте виновных беспощадно. Слава погибшим! Да здравствует коммунизм! Председатель губисполкома Галанин, председатель губкома Мясников»⁵.

После убийства Юркова как в Осинском уезде, так и за его пределами начался террор, а на предполагаемых убийц развернулась настоящая охота. Этому способствовал и содержащийся в телеграмме Пермского губкома призыв карать виновных беспощадно, который звучал более чем убедительно. Тем самым Пермский губком давал добро на применение террора в уезде. На этот призыв в телеграмме позднее и будет ссылаться руководитель осинской опертройки.

Уже в ноябре 1920 г. для производства расследования действий Осинской уездкомдезертир и организованных ею опертроек в уезд был командирован Окружной комиссией по борьбе с дезертирством председатель следственной части Окружного военкомата Приурво Марголин, который совместно с членами опертроек «путем опроса массы свидетелей...собрали богатый материал»⁶.

На ход расследования во многом повлияли неоднократные просьбы и донесения в Пермскую ГубЧК и даже ВЦИК начальника оперативно-строевой части штаба ЧОН Тюменской губернии Севастьянова о необходимости привлечь к ответственности конкретных лиц из состава опертройки. По трагическому стечению обстоятельств его брат Кузьма оказался в числе жертв, и к моменту прибытия его родственника в родное село был уже мертв.

10 ноября 1920 г. в Пермскую губкомдезертир Севастьянов направил доклад «По избиению членов семей красноармейцев и произвольном наложении на них штрафа в селе Аряж Осинского уезда Пермской губер-

³ ГАПК. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 44. Л. 143, 143об., 145.

⁴ ГАПК. Ф. Р-532. Оп. 3. Д. 1. Л. 459.

⁵ ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 378. Л. 147.

⁶ ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 379. Л. 3.

нии» (орфография и пунктуация сохранены). В нем, помимо излагаемых им последствий преступной деятельности опертройки, Севастьянов не забыл указать и непролетарское происхождение ее членов: «Прошу принять зависящие от вас меры по избиению членов семей красноармейцев и произвольном наложении на них штрафа опертройкой № 2 Осинской уездкомдезертир, в состав которой входили преступники: сын купца города Осы Рыжиков, Машкин и Елесин, которые творили произвол и дикую расправу, этим подготавливая в будущем восстание, возбуждая своими поступками в населении и семьях красноармейцев контрреволюционное настроение, которое быстро передается возвратившимся домой красноармейцам. Указанный состав оперпреступной тройки прошу арестовать, как занимающих до сей поры ответственные посты, и сообщить мне до выезда моего в Петроград. Рыжиков, как видно, получил не наказание за свои преступные деяния, а повышение по службе... По вышеописанному делу уездкомдезертиром был выслан уполномоченный для расследования такого важного дела – некто Борисов, который принимал самое горячее участие в избиении населения. 27 сентября в с. Аряж на общем собрании граждан, когда обсуждался вопрос о штрафе, говорить никто не смел, так как собрание проводил преступник, от которого все семьи красноармейцев приходили в ужас. Таким образом, он постановил и предупредил их, а они все молча подписали протокол, что штраф требовать обратно не будут. На мои четыре отношения от 4 сентября за № 387, 29 сентября за № 412, 2 октября за № 414 и от 14 октября за № 420 от уездкомдезертира получил ответ – присланный мне протокол собрания граждан, которое проводил указанный Борисов. Кроме того, вместе с ним копия рапорта, поданного старшим конвоиром уездкомдезертиру. Он якобы доносит, что во время сопровождения дезертиров и заложников, как он выразился, по отношению к членам семей красноармейцев во время пути сопровождения 7 человек бежало, к поимке которых приняты меры, где указано, что бежал и мой брат Кузьма Севастьянов. Конечно, сообщают выдуманную явно преступную ложь, чтобы скрыть и запутать свои следы преступления. Предлагаю при расследовании справиться, когда

был подан рапорт старшим конвоиром, так как брат был арестован 6 августа. Я приехал домой 25 августа, дал телеграмму об освобождении его под мою ответственность, но получил ответ от уездкомдезертир, что он туда не приходил, следовательно, его в живых уже не было. В это время штаб оперативно-преступной тройки стоял в Большой Усе, где их спрашивали и после опросов вводили под вечер за селение со связанными руками по два на место расправы и произвола и им отрубали головы шашкой, что видно из письма пострадавшего семейства. За Большой Усой жителей набито уйма, которых видела жена Степана Коновалова и Константина Рябова, разыскивая своих мужей. Но было уже поздно. Трупы разлагались. Во-первых, мой брат не являлся заложником, как отец и брат двух красноармейцев, стоящих на страже революции, во-вторых, бежать ему совершенно было некуда и незачем, так как он не имел за собой вины или преступления, от которых нужно спастись. Безусловно, был глубоко уверен, что защитить его и семейство есть кому, так как брат его занимает ответственный пост в рядах армии, стоя на платформе советской власти. Кроме того, ему было уже 48 лет, и бежать от представителей советской власти, которыми был арестован по недоразумению или по просьбе кого-либо из-за личных счетов, не считал нужным, так как два члена его семейства в армии, стоя на платформе советской власти, честно служат ее завоеваниям. Я уже служу третий год, а сын его Александр второй год и в настоящее время находится на Южном фронте, защищая справедливость, свободу, братство и равенство, не зная о мученической смерти своего отца, которому убийца отрубил голову шашкой в районе Большой Усы. В одной партии вместе с моим братом были уведены Илья Ладейщиков и Николай Зубарев – старики 60 лет, ходили уже с батогами от своей старости и во всяком случае убежать от конвоиров не могли, как сообщил старший конвоир рапортом уездкомдезертир, что из них 7 человек убежало. Сообщают явно выдуманную преступную ложь... Партия, в которой был мой брат, была опрошена в с. Большая Уса, а под вечер уведена со связанными руками по два человека на место расправы и произвола к оврагам. Это видел и передавал служащий почты Зубарев. Вместе

с моим братом был арестован, как главный заложник, Иван Антипович Рогожников и был уже уведен в штаб тройки, но к его великому счастью прибыл домой по болезни его сын красноармеец Павел. Узнав о произошедшем и не медля ни минуты, поехал в с. Большая Уса в штаб оперативно-преступной тройки. По прибытии туда с ними поскандалил, показал удостоверение сочувствующего РКП(б), после чего отца его освободили, которого ожидала та же участь, что и моего брата с другими членами семей красноармейцев. Но я приехал уже поздно, брата в живых уже не было. Поехать искать я забоялся этого преступного отряда с тройкой, которая творила произвол и дикую расправу с населением, а скорее поспешил к месту своей службы, дабы донести куда следует и этим остановить и пресечь в корне их преступные деяния. Обо всех убитых они подавали рапорты и сводки, что у них убежали. Раз во главе уездкомдезертир до сей поры стоит член опертройки Рыжиков, ясно, что он не даст мне или тому, кто ведет расследование, правильные показания и материал о своих преступлениях. Благоволите сообщить о ходе расследования, также прошу о возвращении штрафа пострадавшему семейству, а также где будет разбираться дело, в каком ревтрибунале и когда, чтобы иметь возможность присутствовать на заседании суда. При расследовании прошу назначить самых честных товарищей, которые отнесутся к делу серьезно и беспристрастно... Убедительно прошу сообщить мне о ходе расследования и арестованы ли члены опертройки»⁷.

Просьбы Севастьянова, в которых он еще и давал советы, как надо правильно вести расследование, часто оставались без ответа, либо вызывали непонимание или даже насмешки. Отголоски «дела 13-ти» продолжались еще довольно долго...

6 сентября 1922 г. в контрольную комиссию при Тюменском губкоме поступило письмо из Екатеринбургского губревтрибунала: «На прилагаемое при сем в копии ваше отношение № 88 от 15 августа сообщаю, что мною 10 и 11 августа действительно получено два отношения штаба ЧОН Тюменской губернии с просьбой дать справку о времени назначения дела осинских опертровок к слушанию, на что 12 августа последовал мой

ответ, копия которого при сем прилагается. Из этого следует: высказанное Севастьяновым предположение, что «последние, видимо, не обращают никакого внимания на вопли простых смертных красноармейцев» – лишено всякого основания. Кроме того, обращаю ваше внимание на то, что к делу осинских опертровок приобщено заявлений того же Севастьянова на имя различных учреждений приблизительно около сотни. Эти заявления никакой пользы делу не принесли, а составляют то, что у нас называется «хламом в деле», а между тем ответы на них в свое время заняли много драгоценного времени у лиц, занятых довольно серьезными делами. Это обстоятельство вызывает необходимость поставить на вид Севастьянову, что: дело осинских опертровок находится в производстве ревтрибунала, а не окружного суда; если Севастьянов заинтересован в торжестве истины, то должен оказать содействие трибуналу сообщением имеющих существенное значение для дела сведений, а не мешать требованием всевозможных справок; обращаясь в трибунал, Севастьянов совершенно напрасно сносится от имени штаба ЧОН, которому никакие справки по делу не нужны...»⁸.

Тем не менее, благодаря настойчивости Севастьянова, письма все же доходили до Центра, и осенью 1921 г. был дан ход дальнейшему расследованию.

Заключение по данному делу было подготовлено 20–24 октября 1921 г. специальной комиссией во главе с членом Верховного ревтрибунала ВЦИК, будущим активным участником Большого террора – Г.К. Рогинским: «Оперативные тройки, помимо наложения на население, в том числе на красноармейские семьи, штрафов и контрибуций, убивали без следствия и суда многих граждан, даже стариков»⁹.

Далее Г.К. Рогинский приводит и комментирует вынесенный Пермским губревтрибуналом приговор: «Рыжиков – к пяти годам, Машкин и Борисов – к трем годам каждый, Чикуров – к двум годам, Юрин – к одному году лишения свободы с применением принудительных работ и Елесин – к одному году условно. Симонову зачесть 11 месяцев предварительного заключения. Бахаре-

⁷ ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 380. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 129, 129об.

⁹ Там же. Л. 18.

ву и Фофанову объявить строгий выговор. Шадрина, Соколова, Горшкова и Треногина за недоказанность обвинения считать по суду оправданными. За силой амнистии ВЦИК от 7 ноября 1920 г. Рыжикову срок наказания сокращен до двух лет. Машкину и Борисову – до одного года. А остальные обвиняемые от наказания освобождены»¹⁰.

Из всего этого следовало, что наказание явно не соответствовало характеру преступной деятельности членов опертроек. Поэтому Г.К. Рогинский вынес следующее заключение: «Приговор в отношении всех обвиняемых несправедлив, меры репрессии следует признать слишком мягкими и не соответствующими инкриминируемыми деяниям. При определении меры репрессии трибунал, судя по формулировке приговора, не входил в обсуждение целого ряда совершенных обвиняемыми преступных деяний, и приговор не основан на всех по делу об обстоятельствах, а только на голословных и ничем не подкрепленных показаниях, данных обвиняемыми на судебном следствии... В силу изложенного и принимая во внимание серьезность совершенных обвиняемыми преступлений, а также то, что дело это имеет общественно-политический характер, полагал бы: приговор Пермского губревтрибунала от 24 октября 1920 г. отменить. Настоящее дело признать подсудным Верховному трибуналу ВЦИК и направить его для расследования в Следственный отдел Верховного трибунала»¹¹.

Перед нами список членов опертрок № 1 и № 2 Осинской уездкомдезертир, составленный военным следователем Шигаевым 13 июня 1921 г.:

1) бывший член опертроек № 1 и военный комиссар Еловской волости Шадрин Александр Дмитриевич;

2) бывший секретарь и казначей опертроек № 2 Борисов Григорий Васильевич;

3) бывший следователь и член опертроек № 2 Машкин Сергей Антонович;

4) бывший член опертроек № 2 Бахарев Макар Алексеевич;

5) член опертроек Елесин Алексей Григорьевич;

6) старший кавалерийского отряда в опертроеке № 2 Треногин Федор Егорович;

7) гражданин села Куштамак Симонов Андрей Андреевич, 34 года, беспартийный;

8) бывший член опертроек Юрин Георгий Григорьевич;

9) сотрудник опертроек, районный уполномоченный по выкачке хлеба Горшков Ефим Никанорович;

10. старший милиционер 4-го района Косулин Иван Степанович;

11) сотрудник Осинского политбюро, бывший член опертрок № 1 и № 2 Фофанов Яков Егорович;

12) бывший сотрудник опертроек № 1 Соколов Александр Васильевич;

13) гражданин Чикуров Мирон Иванович, член РКП(б), помощник начальника милиции;

14) Рыжиков Василий Андреевич.

Далее следуют протоколы допросов каждого члена опертроек. Мы рассмотрим протокол допроса Рыжикова.

В.А. Рыжиков: «Я, нижеподписавшийся, допрошен в качестве обвиняемого, показал: Рыжиков Василий Андреевич, 33 года, мещанин, г. Оса Пермской губернии, местожительство: город Пермь, ул. Карла Маркса, дом губернского земельного управления. Род занятий: почтовый служащий, в настоящее время заместитель начальника губземуправления. Женат, 1 сын. Имущественное положение: ничего не имею. Член РКП(б) с 1 мая 1918 г., № билета 282806 Пермской организации. Образование низшее. До войны 1914 г. служил с 14-летнего возраста на кожевенном заводе в Осе, потом принят на военную службу, уволен за год до войны... В октябре 1918 г. эвакуировался. Эвакуация продолжалась до 1 мая, когда я вступил в 37-й полк 2-й армии сначала агитатором, потом политкомом. В июле – член Красноуфимского уездвоенкомата. 1 октября передан в 5-ю дивизию 5-й армии, где служил заведующим политотдела дивизии. В марте 1920 г. отозван Пермским губкомом в Осинский уезд для политработы. Не судился»¹².

Перед нами молодой человек с вполне благополучной, на первый взгляд, судьбой, если не считать его имущественного положения и уровня образования. Однако советская власть, как мы видим из документа, дала ему возможность сделать карьеру. И, возможно, он добился бы высот, если бы не его

¹⁰ ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 380. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 22, 22об.

¹² Там же. Л. 70, 70об., 71, 71об.

направление в Осинский уезд. Безусловно, это следует считать понижением, что теоретически могло отразиться не только на его дальнейшем отношении к советской власти, но и на его негативном мировосприятии.

Обратимся теперь к наиболее важной части – повествованию о политической обстановке: «Уже в самом начале организации советской власти с 1918 г. на почве хлебной разверстки в Осинском уезде сформировалась контрреволюционная банда. Существовала специальная Воткинская дивизия, которую составляли почти исключительно осинские крестьяне. Во время присутствия Колчака на Урале эти банды орудовали в волостях, избивали семьи красноармейцев. После ухода Колчака эта белогвардейская «Воткинская дивизия» не успела уйти и скрывалась в лесах. Скопилось их более 10 тысяч человек. В момент выступления Деникина в 1919 г. она устроила восстание очень жестокое, которое было подавлено. В феврале появился во главе этих дезертиров известный бандит Егорка Кетов... и начал организовывать дезертиров, агитировать за свержение советской власти, неуплату продналога, истребление коммунистов. Все волостные власти, коммунисты не имели возможности, чувствуя себя в опасности, продолжать работу. Была подорвана вся продработа. Я поехал в Пермь и доложил Пермскому губкому. Нам было предложено организовать отряд по борьбе с дезертирством в Осинском уезде. Ни живой силы, ни оружия мне дано не было. Я был назначен председателем уездкомдезертир и председателем опертройки № 2. Несколько времени до меня председателем опертройки был член комдеза Кочнев, но ничего существенного не сделал. Я сформировал отряд численностью в 120 человек приблизительно при двух пулеметах и вскоре выехал в уезд... Действовали мы следующим образом. Один из нас, а именно Бахарев, всегда находился в штабе тройки, то есть пункт, куда направлялись все сводки и пойманные дезертиры. А я и Елесин разъезжали с отрядами (отряд был раздроблен). Всякого дезертира, если он не оказывал сопротивления, мы старались взять живьем, дабы от него добыть материал, то есть узнать месторасположение дезертиров. Пойманные дезертиры направлялись в штаб тройки, где их допрашивали, составляли на них анкеты и группами направ-

ляли в Осу. Борьба с укрывательством велась нами путем наложения штрафов за укрывательство, конфискации имущества. Действовали мы всегда... только после, того как было установлено показаниями самого укрываемого дезертира, что граждане или вся деревня его укрывали. В таких случаях мы выносили постановление в штабе тройки о наложении штрафа или производстве конфискации. Эти постановления... утверждались мною единолично и приводились в исполнение. Заложниками брались ближайшие родственники дезертира с той целью, чтобы тот явился, после чего заложника освобождали (иногда уездкомдезертир приговаривал их к наказанию). У семей красноармейцев и бедняков конфискация не производилась, штрафы не налагались. В селе Брюхово была произведена конфискация за то, что представляло собой гнездо дезертиров. Красноармейцев там не было ни одного в момент операции тройки. Приказаний о расстреле кого-либо мною даны не были. За исключением одного случая, когда мы были окружены дезертирами в селе Куштамак. Я велел расстрелять 13 арестованных, которых мы не могли больше держать, так как их добились бы несомненно. На завтра у нас была действительно горячая схватка с дезертирами – убийцами Юркова, захваченных нами. Основанием для этого приказа для меня служила полученная из Перми телеграмма о беспощадной расправе. Что касается избиения арестованных, то лично я, конечно, таковых не производил. Строго настроено приказывал не избивать, но трудно было удержать озлобленных красноармейцев: некоторые семьи пострадали от дезертиров. Из конфискованных вещей я выдавал из конспираторной квартиры, но официально на имя Фофанова и Бахарева. Выдавал, кроме того, красноармейцам отрядов необходимые им вещи, преимущественно из найденного военного обмундирования. Съестные припасы сдавались в заготконторы, откуда мы снабжались по ордеру упродкома. Выдавал семьям красноармейцев разные вещи. Результатом нашей работы было полное очищение Осинского уезда от дезертиров, которых было изъято более 10 тысяч человек, больше 1000 винтовок с патронами, 2 пулемета... Окончена была работа в первых числах сентября»¹³.

¹³ ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 380. Л. 70, 70об.

Показания Рыжикова содержат уникальную информацию о борьбе с дезертирством и бандитизмом: «Я скажу, что представлял из себя Осинский уезд в 1918–1920 гг. В 1918 г. часть Осинского уезда, к городу, шла за советскую власть. А южная часть шла против советской власти, и не было ни одной деревни, где не происходили бы самые зверские издевательства над советскими работниками. Например, одного мотовилихинского рабочего зарыли живым в землю. Это факт. И в начале 1919 г. в связи с восстанием воткинцев и ижевцев в Осинском уезде появились бандиты в организованном количестве. Был Сайгатский полк, Михайловский полк, была целая Воткинская дивизия. В Осинском уезде были военные действия. Вся беднота своими силами вела борьбу с этими бандитами – иначе их не называли. После того как были разбиты все банды Колчака, вся южная часть уезда принуждена была уйти за ним. После того как красные войска ушли за Каму, вся Воткинская дивизия не пошла за ними, а осталась расправляться с семьями красноармейцев. Разбой, однако, продолжался не долгий – месяц-полтора. Затем их красные войска погнали дальше. По Каме и по Казанлыкской железной дороге Воткинская дивизия, Сайгатский полк и другие банды не успели уйти с Колчаком... Часть ее пришлось догонять, так как слишком много они наделали зверств и знали, что за это их по голове не поглядят. Таким образом, получилась такая история, что полуголодная Воткинская дивизия с оружием в руках осталась в тылу у красных войск. Население города, которое имело возможность уйти с Колчаком, поголовно ушло. В зиму 1919 г. плохо снаряжалась армия, а от Колчака целыми ватагами возвращались бандиты. Тогда было еще свободное право возвращаться и регистрироваться, но они приезжали и не регистрировались, а проживали потихоньку дома. На Осинский уезд хлебная разверстка была наложена в 276000 пудов. Положение, как видите, было серьезное. Надо еще добавить, что в то время был Деникинский фронт, Деникин подходил к Туле. Среди осинских бандитов оказались главки, как например, Кетов – гражданин Больше-Усинской волости, который расстрелял 40 человек – председателей комитетов бедноты. Он не удрал с Колчаком, так как был отрезан. Затем он

скрылся и стал сзывать бандитов и организовать шайки. Стали орудовать шире. В Больше-Усинской волости не осталось ни одной деревни, где бы ни был убит кто-либо из советских работников, не осталось ни одной учительницы учить в деревне. За то, что учительница разъясняла населению основы коммунизма, они ее секли. Четыре учительницы-коммунистки были расстреляны и одна изнасилована. Был ряд должностных лиц, которые попустительствовали дезертирам – комиссар Вяткин, который был потом предан суду. Таким образом, мы дожили до весны. Всякие общественные работы в уезде прекратились, разверстка не выполнялась, вообще ничего нельзя стало делать. Когда Польша объявила войну, дезертиры форменным образом обнаглели. Из Осы невозможно стало выезжать. Перед партийными организациями стала задача во что бы то ни стало эти шайки ликвидировать... Не было ни одной деревни, которую мы бы ни обложили штрафом, так как дезертиры были в каждой деревне. Бандитами мы признавали тех, кто по своему возрасту не призывались, но старались свергнуть советскую власть. В каждом лесу, в каждой деревне были дезертиры, мы облагали штрафом деревни и села на основании приказа РВСР, когда убеждались, что они помогали дезертирам. Вот какую работу мы проделали сначала. Кроме того, мы брали заложников. Заложников брали тогда, если в лесу находили дезертиров, хотя могли бы его на месте расстреливать всякого пойманного в лесу с оружием в руках, но мы этого не делали. Не нужно было никакой конспирации, чтобы узнать, кто кормил и приютил дезертира – они сами рассказывали... Конфискованное имущество не делилось между сотрудниками. Я давал товарищу Фофанову, товарищу Бахареву, Симонову, красноармейцам давал шинели... Симонову я дал, так как он был совершенно раздет. Он пришел в одной рубашке, босой. Я дал ему шинель, сапоги, винтовку. Коров я давал всем истинным красноармейцам. Симонов был честный красноармеец. Других конфискованных вещей я никому не давал, а на это я имел законное право, чтобы показать на месте, что отнимается от дезертира и дается честному красноармейцу... Мы забрали массу коров и раздали их всех честным красноармейцам и честным гражданам под распис-

ку. Мне предъявляется обвинение, что я лично избивал. Я никогда никого не избивал и красноармейцам говорил, что не нужно забивать, что вы красноармейцы... Политическая работа много проводилась, необходимо изловить бы было такое количество дезертиров. Я объяснил, чтобы в нас видели товарищей и бывали случаи, что на наше решение они приходили к нам, но бандитов – старики 60–70 лет, если мы заставляли с оружием в руках, расстреливали их на месте. Распоряжений о смертной казни я никаких не давал, а приказание расстрелять 13 человек, то об этом дал знать губернии. Это право мне было дано. Относительно 13-ти я информировал Осинский исполком. В Перми товарищ спросил: «Расстреляли?». Я сказал: «Расстреляли»... Была уездная партийная конференция, которая выразила нам благодарность за то, что можно было теперь работать спокойно в уезде. Были губернские конференции, был уездный съезд советов, и все они выражали благодарность¹⁴.

Проанализируем документ. Первое, на что следует обратить внимание, это условия, в которых пришлось опертройке работать. Напомним, что Рыжиков был направлен в Осинский уезд, в первую очередь, для политработы. Но, по его словам, в уезде развернулись настоящие боевые действия. Пермский губком предложил сформировать всего лишь отряд по борьбе с дезертирством. Это говорит о том, что в Перми не располагали точными сведениями о присутствии в уезде куда более серьезного и многочисленного противника. Кроме того, Рыжиков отмечал, что никакой живой силы или оружия он не получал из Перми. Но при этом сформировал отряд в 120 человек. Рыжиков подводит итоги своей работы по выкачке 10 тысяч дезертиров, 1000 винтовок... И вот здесь естественным образом возникает вопрос. Как же ему удалось, располагая отрядом в 120 человек, добиться таких результатов? В указанных им сведениях содержится явное преувеличение.

Однако Рыжиков и не мог по своему должностному положению политработника запросить из губернии вооруженный отряд, о чем он прекрасно знал и предвидел отказ на свой запрос. Он самостоятельно приступил к организации вылавливания дезертиров так,

как он считал целесообразным. Очевидно, Рыжиков не оставлял надежды продвинуться дальше по карьерной лестнице...

Подводя итоги, следует отметить, что военно-политическая обстановка резко обострилась с приходом к власти А.В. Колчака в декабре 1918 г. Почти полугодие его присутствие в губернии внесло серьезный раскол в среду крестьянства. А это очень важно учитывать при изучении истории дезертирства и бандитизма. По словам самого члена опертройки Рыжикова, «зачищать» уезд после ухода красных было некому. Это означало, что продвижение Красной армии не предусматривало укрепление тыла и советской власти. Фактически власть находилась в руках местных авторитетов, а не советских работников, оставшихся без оружия и какой-либо поддержки. Поэтому вопрос – можно ли считать деятельность опертройки преступной, – остается открытым.

Фактически Гражданская война в уезде начинается после Ижевско-Воткинского восстания. Историк Е.Ф. Шумилов справедливо указывает, что точное количество восставших неизвестно, а оставшихся по разным причинам ижевцев, стариков и женщин, чекисты отлавливали [1, с. 177-178].

По словам Рыжикова, «после того как красные войска ушли за Каму, вся Воткинская дивизия не пошла за ними, а осталась расправляться с семьями красноармейцев». Далее он продолжает: «Разбой, однако, продолжался недолгий – месяц-полтора. Затем их красные войска погнали дальше. По Каме и по Казанлыкской железной дороге Воткинская дивизия, Сайгатский полк и другие банды не успели уйти с Колчаком... Таким образом, получилась такая история, что полугодная Воткинская дивизия с оружием в руках осталась в тылу у красных войск. Население города, которое имело возможность уйти с Колчаком, поголовно ушло». Все это вместе взятое говорит о том, что в тылу у советской власти оказалась запертой часть ижевцев и воткинцев.

Рыжиков указывает на то, что зимой 1919 г. армия была в плачевном состоянии, а от А.В. Колчака стали в массовом порядке возвращаться бандиты или «белобандиты», как их тогда называли. Он также указал на любопытный факт, что в то время было свободное право возвращаться и регистриро-

¹⁴ ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 379. Л. 59, 60.

ваться, но, по его словам, «они приезжали и не регистрировались, а проживали потихоньку дома». Почему? Вероятно, из опасений за свою жизнь. А может, хотели переждать смены власти, чтобы быть уверенным, кого следует поддерживать в конкретной военно-политической обстановке.

У «повстанцев» были причины не уходить за Каму, чтобы затем влиться в Сибирскую добровольческую армию. Эти причины следующие. Во-первых, нежелание воевать (многие были насильно мобилизованы). Во-вторых, спастись от преследования красных можно было и у них самих в тылу, а далее, используя неустойчивость советской власти, попытаться ее свергнуть. Но здесь им пришлось столкнуться с опертройками, которые хоть и приняли весь удар на себя, но поражения это отнюдь не означало. Более того, ряды их противников, как нетрудно заметить, сильно поредели.

Безусловно, следует считать серьезным просчетом слишком поспешный уход Красной армии за Каму, что привело к ослаблению тыла осенью–зимой 1918 г. По словам Рыжикова, «надо было вынести постановление с требованием оставления Осинского уезда на военном положении».

По поводу казни 13-ти, понимая, очевидно, свой просчет, он уклончиво объяснил: «Распоряжений о смертной казни я никаких не давал, а приказание расстрелять 13 человек, то об этом дал знать губернии. Это право мне было дано. Относительно 13-ти я информировал Осинский исполком. В Перми товарищ спросил: «Расстреляли?». Я сказал: «Расстреляли».

Перед опертройками стояла непростая задача – бороться с врагом в тылу. Однако, учитывая тот факт, что Рыжиков появился в Осе не ранее марта 1920 г., мы можем утверждать, что позиции советской власти были довольно слабыми, особенно после ухода А.В. Колчака летом 1919 г. По словам Рыжикова, «красные войска не останавливались, наступая, и не приходилось чистить занятую территорию. Было слишком мало советских работников».

Таким образом, в городе и уезде как минимум два события способствовали развязыванию Гражданской войны – Ижевско-Воткинское восстание и занятие губернии А.В. Колчаком.

Следующее, на что необходимо обратить внимание – это разница между «дезертирами» и «бандитами». Из всех опрошенных членов опертройки лишь Рыжиков прямо говорит: «Бандитами мы признавали тех, кто по своему возрасту не призывались, но старались свергнуть советскую власть», «Вся беднота своими силами вела борьбу с этими бандитами – иначе их не называли». Далее уточняет: «Бандитов – старики 60–70 лет, если мы заставляли с оружием в руках, расстреливали их на месте». Таким образом, бандиты были те, кто не попадал под призывной возраст, и чаще всего это были старики, в чем он и признается.

Все вышесказанное дает нам основание полагать, что речь шла о борьбе опертройки с так называемым «политическим бандитизмом», а не с дезертирством. Члены опертройки понятия не имели о военно-политической обстановке в губернии и уезде, занимаясь исключительно ликвидацией антисоветских сил, как вынужденно, из чувства самосохранения, так и из личных, корыстных интересов – жажды наживы и упоения властью. Как видно из протокола допросов, в действительности никаких мер по искоренению дезертирства члены опертройки не собирались проводить, за исключением террора в виде взятия в заложники, пыток, казней наряду с конфискацией имущества и наложением штрафов, но при этом обозначая свою деятельность исключительно как борьбу с дезертирством.

Впечатляют результаты работы опертройки с мая по октябрь 1920 г.: выловлено около 11 тысяч дезертиров, отобрано 134 лошади, 28 ружей, 70 наганов, множество патронов, учитывая, что губернский центр не оказал никакой поддержки осинским властям. Не совсем ясно, почему на 11 тысяч дезертиров приходится в разы меньшее количество изъятого. Еще раз подчеркнем: в пользу того, что речь шла не о дезертирах, а о противниках советской власти, свидетельствует факт относительно небольшого процента уклонистов от военной службы как в уезде, так и по губернии. «Массовое дезертирство» в Пермской губернии – не более, чем миф.

Также следует отметить тот факт, что, даже обладая явным численным превосходством, противник отступал при условии хо-

рошей организации на него облавы. Это опять же говорит о том, что «дезертиры» в своей массе не имели опыта ведения боевых действий и в реальности не представляли угрозы советской власти. Явно избегали открытых столкновений, предпочитая нападать на лидеров. Вместе с тем они могли представлять угрозу, будучи хорошо организованными и под руководством наиболее опытных главарей.

Не вызывает сомнения факт жестокого обращения с заложниками: «иногда уездком-дезертир приговаривал их к наказанию», а также непосредственное участие Рыжикова в

постановлениях о конфискации имущества: «утверждались мною единолично и приводились в исполнение».

Рассматриваемый нами Осинский уезд находился вблизи линии Восточного фронта, что не могло не отразиться на характере борьбы. Террор опертрупп был обусловлен военно-политической обстановкой.

О дальнейшей судьбе участников опертруппы известно лишь то, что некоторые были расстреляны в 1937 г., в 1990-е – реабилитированы, а их имена вошли в Книги памяти жертв политических репрессий...

Список литературы

1. Шумилов Е.Ф. О мятеже на тихом Иже. Год 1918-й. Ижевск: Удмуртия, 2018. 272 с.

References

1. Shumilov E.F. *O myatezhe na tikhom Izhe. God 1918-y* [On the Mutiny on the Quiet Izha. 1918]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2018, 272 p. (In Russian).

Информация об авторе

Долгова Анжела Валерьевна, кандидат исторических наук, зам. зав. кафедрой истории и исторического архивоведения. Московский государственный институт культуры, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация. E-mail: angela_dol@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7859-3596>

Поступила в редакцию 26.08.2020 г.
Поступила после рецензирования 23.09.2020 г.
Принята к публикации 20.10.2020 г.

Information about the author

Angela V. Dolgova, Candidate of History, Deputy Head of History and Historical Archives Department. Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation. E-mail: angela_dol@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7859-3596>

Received 26 August 2020
Reviewed 23 September 2020
Accepted for press 20 October 2020